

АЛЕКСАНДРА ШИН
Родилась в 1986 году.
Живет в Великом Новгороде.
Финалист Национальной
молодежной литературной
премии в номинации «Худо-
жественная книга: поэзия»
(2020). Печаталась в новго-
родских сборниках «Лито-
раль», «Вече», «Все поэты
Новгородской области»,
«Точка отсчета», «Открытая
дверь», а также в сбор-
нике «На зимних поездах»
(по итогам фестиваля
«Авант-2012»).

* * *

А когда ничего не ждешь, случается чудо.
Ты сидишь на песке и, играючи, строишь замки.
Приучаешь себя к потерям, но почему-то
Не приучишь никак. До отчаяния жалко

Этот маленький замок, построенный в одночасье
Для волны, ветерка и жестокой ноги ребенка.
И такое абстрактное слово «счастье»
Произносишь то тихо, то слишком громко.

Ветер стих, и любуются замком дети,
А лихая волна откатилась назад устало.
Все пройдет, все развеется по планете,
Но тебя только это и согревало.

* * *

Когда не хочется быть
ни классной мамочкой,
ни модной дамочкой,
А просто девочкой.

И всех забот-то:
занозы ковырять булавочкой,
сидеть на лавочке
И лузгать семечки,

Во все глаза смотреть,
как в белой маечке
голубоглазого шального мальчика
Увозят в августе вовне.

Попросишь бабушку,
чтоб было вкусно,
подуй на пеночку,
а чтоб не больно, не на коленочку,
Подуй на сердце мне.

* * *

Незнакомый мужской голос
Выкрикивает твоё имя на улице.
Тебя бросает в пот, и пару секунд
Ты думаешь, стоит ли оборачиваться.
И когда наконец обернешься,
Увидишь мужчину, с укоризной смотрящего
На свою шестилетнюю дочь,
Стоящую в луже.
А тебя уже никогда не окликнет голос
С отеческой укоризной.
Но что-то снова и снова заставит тебя обернуться.

* * *

Если меня не будет, когда ты придёшь,
Если серый асфальт будет так же блестящ и скучен,
Ты присядь на диване и просто послушай дождь,
А потом проживи мою жизнь, как я, только намного лучше.

Назовись новым именем, поцелуй за меня детей,
И зимой не ходи без варежек и рейтуз.
И дыши, как будто бы жизнь одна на девять твоих смертей
И в бескрайнем мире твой путь прям и узок.

Не пиши ничего, кроме списка завтрашних дел,
Ни стихов, ни прозы, ни любовных писем.
И пойми, что ни сытость душ, ни потребность тел –
Ничто тебя не унизит.

* * *

Если я снова буду, когда ты придёшь,
Я надеюсь, ты сможешь меня простить
За нелепую, но безобидную ложь,
Будто я научилась жить.

ИСТОРИЯ ДЖОЗЕФА ПРИСТЛИ

Судя по всему,
Джозеф Пристли был никудашным священником.
В его голове было столько вопросов,
словно каждый день
на завтрак, обед и ужин
он съедал по целому плоду с того самого дерева.
Он спрашивал себя, почему в городе,
где так много людей и камней,
фыркающих лошадей и пыли,
в городе, где так много неба,
если научиться смотреть выше,
в городе, где так много Бога,
если научиться смотреть глубже,
почему в этом городе ему так тяжело дышится?
Почему там, где нет ни образа, ни подобия,
где деревья сплошной стеной закрывают небо,
растят свои кольца и безропотно отдают свою жизнь любому,
кто их не просит – жуку или дровосеку,
почему там – в лесу – так легко и свободно дышится полной грудью –
и до дрожи и боли
он чувствует мир и Бога?

Джозефу Пристли было мало ответов – он искал доказательств.
И вот он пускает маленькую мышку под стеклянный колпак,
смотрит, как она мечется в поисках вдоха
и, не найдя его, падает и замирает.
«Это ничего, –
думает Джозеф Пристли, –
я просто должен был знать,
и теперь я знаю,
другая выживет».
Он берет еще одну мышку и вместе с ней под колпак
ставит горшочек с веточкой мяты,
и хочет выйти из комнаты,
но упирается во что-то большое и прозрачное.
Ему становится душно и страшно,
и только одна мысль крутится в его голове:
я первая или вторая?
первая или вторая?

СИНДРОМ АДАМА

Ночью снова Лилит не спится, всё на ощупь считает ребра.
«Вот тринадцатое – сгодится? – чтобы был из него воссоздан
Тот, кто в губы целует нежно, кто дыханьем щекочет спину,
Никогда не скажет, что любит. Можно мне из ребра мужчину,
Чтоб помады хотелось алой, а еще каблуков и платьев,
Чтобы я и не вспоминала, что лежало на мне проклятье
Милых мальчиков не в сезон: летом – жарких, зимой – холодных?
Я не помню ничьих имен. Мне хотелось лишь быть свободной.
И теперь я как та река, обмелевшая: ил, осколки.
Я прошу теперь пустяка, и прошу, как всегда, ненадолго
(Лицемерие про половины может только Адам сморозить):
Можно мне из ребра мужчину, чтобы было не больно бросить?»